

PHILOLOGY OF THE EAST
Folklore Studies
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Фольклористика

Научная статья

Филологические науки

УДК 24-144.6 + 82-343.2

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-124-135>

Бодхисаттва — стрелок из лука. Буддийский сюжет и его аналоги

Наталья Владимировна Александрова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

surnevo@mail.ru, nalexandrova@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6350-7245>

Аннотация. В буддийской литературе Индии присутствуют мотивы и сюжеты, обнаруживающие общность с иными индийскими традициями и зачастую указывающие на их архаичное происхождение. Один из выразительных примеров — эпизод стрельбы из лука (*iṣukṣepa*) в «Лалитавистаре», сутре о жизни Будды, сохранившейся в санскритской (IX в.) и двух китайских (IV и VII вв.) версиях. Действие происходит в контексте совершения ритуала женитьбы Бодхисаттвы (будущего Будды), включающего состязания в воинском искусстве. Построение эпизода и отдельные его детали имеют аналогии не только в нарративах древнеиндийского эпоса («Махабхарата»), но и в древнегреческом гомеровском эпосе («Одиссея»), что в совокупности с другими аналогами свидетельствует об устойчивости архаичных моделей (связанных с царской ритуалистикой) в индийской литературе. В то же время можно проследить трансформации, которые претерпевает эта образность в буддийском контексте: «Лалитавистара» делает «стрельбу из лука» метафорой просветления Будды, как будто осуществляя перевод с языка архаичного ритуала на язык буддийской понятийной системы.

Ключевые слова: буддизм, буддийская литература, агиографическая литература, эпос, древнеиндийский ритуал

Для цитирования: Александрова Н. В. Бодхисаттва — стрелок из лука. Буддийский сюжет и его аналоги. *Ориенталистика*. 2025;8(1):124–135. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-124-135>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Bodhisattva-archer. Buddhist plot and its analogues

Natalia V. Aleksandrova

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
surnevo@mail.ru, nalexandrova@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6350-7245>

Abstract. The Indian Buddhist literature comprises various motifs, which reveal similarities with other Indian traditions and, therefore, indicate their archaic origins. Among them, there is a motif of archery (*iṣukṣepa*) in *Lalitavistara*, the sutra on Buddha's life. It is preserved in the Sanskrit version (9th cent.) and two Chinese versions (4th and 7th cent.). The action is placed into the context of the ritual of Bodhisattva's marriage, and includes a description of competitions in warrior's arts. The episode construction and its details find their analogies both in the epic Indian narrative and in the ancient Greek Homeric epic. Together with other analogues, this indicates the stability of archaic models (associated with royal rituals) in Indian literature. At the same time, one can follow the transformations that this imagery undergoes in the Buddhist context. *Lalitavistara* makes "archery" as a metaphor for Buddha's enlightenment, as if translating from the language of archaic ritual into the language of Buddhist doctrine.

Keywords: Buddhism, Buddhist literature, hagiographic literature, ancient epics, ancient Indian ritual

For citation: Aleksandrova N. V. Bodhisattva-archer. Buddhist plot and its analogues. *Orientalistica*. 2025;8(1):124–135. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-124-135> (in Russian).

Эпизод *iṣukṣepa* в «Лалитавистаре» и гомеровский эпос

Образ Бодхисаттвы — будущего Будды, — стреляющего из лука, присутствует в разных буддийских контекстах, главным образом в агиографических сочинениях. Один из наиболее развернутых примеров — стрельба из лука в главе «Показ владения искусствами» (*śilpasamdarśana*) «Лалитавистары», санскритского текста IX в. Эпизод относится к дворцовому периоду жизни царевича Сиддхартхи, живущего в столичном городе Капилавасту. Поводом для проведения состязаний становится женитьба царевича, которая в соответствии с ритуалом предполагает состязания женихов. Сиддхартха соревнуется со своими родственниками-шакьями, и те искусства, в которых они должны себя проявить, весьма разнообразны — это и письмо, и счет, и целый список всяческих умений (вплоть до вырезания узоров из листьев). Центральная по значимости часть этой главы — состязания в воинских искусствах. Сначала Сиддхартха признается лучшим «в прыжках, плавании, в беге» (без рассказа

об этих соревнованиях), затем объявляется переход к единоборствам. Царевич поочередно одолевает соперников, действуя лишь одной рукой; при этом подчеркивается, что он действует осторожно, стараясь не нанести вреда. Затем он предлагает всем юношам-шакьям вступить с ним в бой одновременно и, действуя в одиночку, легко побеждает. Однако наиболее пространственный рассказ посвящен именно стрельбе из лука (*iṣukṣepa*).

Эпизод *iṣukṣepa* наполнен подробностями, представляющими это действие как совершение ритуала. Повествование начинается с расстановки мишеней — неких «железных литавр» (*ayasmayī bherī*). Мишени расставляли по-разному для всех соперников (Ананды, Девадатты, Сундарананды и Дандапани, родственников царевича), а для самого Бодхисаттвы выставили целую цепочку мишеней: литавр, распределенных с большими промежутками, железной фигуры кабана (*ayasmayī varāhapratimā*) и семи пальм (*sapta tālayantrayuktāḥ*). Соперники смогли поразить свои мишени лишь с небольшого расстояния, Бодхисаттва же стрелял невероятно метко по всем мишеням, однако с ним произошла заминка, которая имеет большое значение для интерпретации этого эпизода.

Стрельбе царевича предшествует рассказ об овладении луком, который выделен особо и наполнен значимыми деталями. Царевич отказывается от того лука, который ему предоставили сначала — он ломается в его руках, и просит принести некий особый лук, который отличается большой прочностью. Ему доставляют лук его деда Симхахана (*Siṃhahanu*), который до тех пор бережно хранился и был окружен особым почитанием. Этот лук не может натянуть никто, кроме Сиддхартхи. Стреляя из него, он поражает цель — стрела пронзает насквозь все диски, пальмы и фигуру кабана, а затем уходит в землю, которая стала источать воду в этом месте [Хокадзоно, 1994, с. 586–588].

Вся эта последовательность событий сразу вызывает в памяти очевидную аналогию в гомеровском эпосе, а именно известный эпизод из XXI главы «Одиссеи»: возвратившись в родной дом, где бесчинствуют женихи Пенелопы, Одиссей участвует в состязании в стрельбе из лука и побеждает. Соперники и детали. Так, Одиссею преподносят особенный, давно хранимый лук: руководствуясь божественным указанием, Пенелопа отправляется в «дальнюю кладовую» и особенным ключом открывает это давным-давно запертое хранилище, достает заветный лук Одиссея, некогда подаренный ему Ифитом, сыном Эврита (Hom. Od. 21.1–60). Затем она требует проведения состязаний в стрельбе из лука, объявив себя наградой победителю.

«Стрельба из лука» — один из самых обсуждаемых эпизодов «Одиссеи», который вызывал дискуссии и неоднозначное отношение со стороны исследователей вплоть до утверждения о его инородности в поэме [Katz M. A., 1991, р. 94–100]. Проводя сравнение этого эпизода из «Одиссеи» с индийским материалом, обычно обращаются к индийскому эпосу. Наиболее детально это сравнение проведено в работе Стефани Джемисон “Penelope and the Pigs: Indic Perspectives on the Odysse” [Jamison, 1999]. Автор сравнивает повествование о «возвращении Одиссея к жене» в древнегреческом эпосе с эпизодами древнеиндийского эпоса — «женильбой братьев Пандавов» и с браком Дамаянти, находя определенные параллели, свидетельствующие о существовании их

общей ритуально-мифологической основы¹. В индийской традиции эти сюжеты увязываются с обычаями *сваямвары* (*svayaṃvara*) — свадебными обрядами, при которых невеста сама выбирает мужа. Поскольку статья С. Джемисон посвящена именно выявлению генетических связей индийского ритуала *сваямвары*, сравнительный анализ эпизодов со стрельбой из лука в ситуации борьбы за невесту становится органической частью этой работы. Такого рода соревнования в индийском контексте имеют место в том случае, когда *сваямвара* совершается в варианте *vīryaśulka* — невеста присутствует на состязаниях между женихами и совершает свой выбор в соответствии с результатами этих испытаний. Параллелизм между гомеровским сюжетом и его древнеиндийскими эпическими аналогами, построенными по схеме *сваямвары*, Джемисон видит в сходстве составляющих его элементов: сбор участников, выставление невесты, объявление имен участников, само состязание (натягивание лука и затем стрельба по мишеням), совершение выбора. Первый выделяемый в индийском эпосе элемент — приглашение на *сваямвару* — не может быть отнесен к женихам Пенелопы, однако все прочие, перечисленные выше, ясно присутствуют и в «Одиссее», и в «Махабхарате» [Jamison, 1999, p. 248–253]. В индийском эпосе история женитьбы братьев Пандавов на Драупади демонстрирует полный, развернутый вариант этой последовательности: царь Драупады объявляет о *сваямваре* и приглашает достойных женихов, знаменитые воины собираются в указанном месте, где надлежащим образом обустраивается площадь — с воротами, с украшениями, сюда же стекаются многочисленные зрители, среди них — цари; Драупади выходит в прекрасных одеждах, вслед за тем объявляются имена всех соперников; происходит состязание с натягиванием лука и стрельбой по мишеням, решительная победа Арджуны обеспечивает победу Пандавов — Драупади с улыбкой идет ему навстречу, братья уводят невесту (Mbh. 1.176–179).

Однако мы можем убедиться, что и буддийский сюжет стрельбы из лука, представленный в двенадцатой главе «Лалитавистары», таким же образом во всех основных чертах обнаруживает сходство с гомеровским «возвращением Одиссея». Помимо уже указанного совпадения мотива «выбора лука», извлекаемого из старинного хранилища и имеющего особое происхождение, весьма похожи сцены натягивания лука, выстраивания очереди мишеней, а также сами ситуативные обстоятельства — присутствие невесты, которая объявлена наградой победителю, и, на чем следует также остановиться, отторжение героя остальными женихами.

Остановимся подробнее на этих совпадающих мотивах. В первую очередь общей для обоих сюжетов является сама ситуация «стрельбы из лука» в кон-

¹ «Примечательно, что состязания в “Одиссее” и “Махабхарате” структурно идентичны. И те, и другие состоят из двух частей, включая в первую очередь состязания в силе, затем в умениях. В обоих случаях следовало натянуть знаменитый, чрезвычайно тугой лук. Затем лук служил для стрельбы, отличающейся большой технической сложностью... в обоих текстах выстрел не является решающим в ходе состязаний, поскольку уже само трудное натягивание лука ставило в положение побежденных всех, кроме действительного победителя» [Jamison 1999, p. 252] (см. также: [Katz] J. T., 2005, p. 27–28)].

тексте женитьбы. Сиддхартха участвует в состязании, и наградой (*jayapatākā*, букв. «знамя победы») победителю была объявлена девушка Гопа; Одиссей также соревнуется с «женихами» (*μνηστῆρες*), пребывающими в уверенности, что он не вернется, и Пенелопа сама заявляет, что станет наградой за победу (Hom. Od. 21.73). Оба героя при этом имеют царский статус — так же, как и Пандавы, добывающиеся брака с Драупади.

Важнейшая сцена, уже описанная выше, — натягивание лука. Натянуть необыкновенно тугой лук смог только бодхисаттва-царевич в одном случае и Одиссей — в другом, остальные участники состязания оказываются бессильны это сделать.

Другой мотив — меткая стрельба. Стрела Одиссея пронзает все кольца от первого до последнего (Hom. Od. 21.420–422), также и стрела Сиддхартхи пронзает все литавры — и поставленные для соперников, и свою, и мишень в виде фигуры кабана и связанных пальм, далее стрела не утрачивает своей силы и уходит глубоко в землю. Удар стрелы порождает родник (*yatra sa pradeśe sa iṣur dharanītaṃ bhittvā praviṣṭas, tasmīn pradeśe kūpaḥ samvṛtṭaḥ* [Хокадзоно, 1994, с. 590]) — мифологический мотив появления родника из-за удара оружием, как известно, весьма распространен.

Еще один мотив, обнаруживающий сходство — отторжение будущего победителя: женихи отказываются соревноваться с Одиссеем, называя его «бродягой» (*ἀλήτης*), поскольку он явился в образе странника, одетого в рубище. «Женихи» Пенелопы дразнят ее сына: «Друг Телемах..., пожаловал в дом твой бродяга, хищник обеденных крох, ни в какую работу не годный» (Hom. Od. 20.375, перевод В. А. Жуковского). Шакьи в «Лалитавистаре» также не хотят соревноваться с Сиддхартхой в воинских искусствах, поскольку он ничему не учился, и отец девушки начинает с отказа, аргументируя это тем, что в их семье не принято отдавать дочь тому, кто не владеет искусствами (*tat katham aśil-rajāṇasya duhitaraṃ dāsyāmi* [Хокадзоно, 1994, с. 562]). Таким образом, в обоих случаях происходит отторжение соперника как неравноценного. При том, что аргументация разная, надо отметить, что в случае царевича Сиддхартхи образ «бродяги» также просматривается, но по-иному, поскольку это его неизбежное будущее — стать странником и сменить царские одежды на рубище, так что статус странника ему присущ, так сказать, потенциально. По-видимому, присутствие мотива «необученности искусствам» было необходимо в буддийском тексте для обоснования идеи чуда — владения искусствами без обучения.

По всем выделенным признакам эпизод стрельбы из лука в «Лалитавистаре» становится в один ряд с теми эпическими вариантами, анализ которых провела С. Джемисон в контексте исследования сюжетов, связанных с традицией *сваямвары* и царской ритуалистикой. Сравнивая соответствующие фрагменты в гомеровском и индийском эпосах и обращая внимание на признаки в тексте, отсылающие к обрядности «обретения царского статуса», автор обращается к ведийскому ритуалу посвящения на царство, в котором лук со стрелами играет роль символа передачи царского статуса. Так, согласно «Апастамба-шраутасутре», в ходе совершения обряда *раджасуи* (*rājasūya*) посвящаемому вручается лук и три стрелы во время провозглашения его царем (ĀpŚS XVIII. 14.10–11) [Jamison, 1999, p. 259]. Это действие становится в один ряд

с многочисленными обрядовыми действиями, включенными в ритуалы царского посвящения и построенными на отождествлении царя с пространством земли, сторонами света, божествами и т. д. [Gonda, 1969, p. 79–96].

Также С. Джемисон обращает внимание на «кабаньи мотивы» в истории возвращения Одиссея — на его ноге обнаруживается шрам, что вызывает воспоминание об охоте на кабана, и это наводит на размышления об ассоциациях образа кабана с идеей царства, что прослеживается и в ведийской культуре [Jamison, 1999, p. 264–268]. В контексте этих наблюдений неожиданное, казалось бы, присутствие кабана среди мишеней, которые поражает Бодхисаттва, получает свое объяснение. Однако можно также отметить, что мотив царской охоты на кабана достаточно распространен, о чем свидетельствует, в частности, эпизод из «Араньякапарвы»: Арджуна стреляет из своего чудесного лука в ракшаса, принявшего образ вепря, и при этом соперничает с Шивой, превратившимся в кирату и стрелявшим в того же вепря (Mbh. 3.40). Здесь примечательны три момента: стрельба из лука, имеющего божественное происхождение, кабан в качестве мишени, мотив соперничества и последующей борьбы. Использование железной фигуры кабана в качестве мишени во время состязаний также встречается в «Махабхарате» («Адипарва»): на юношеских соревнованиях Арджуна попадает прямо в пасть железного кабана пятью стрелами подряд, вызвав всеобщее восхищение (Mbh. 1.125) — и это, пожалуй, наиболее прямая аналогия «стрельбе Бодхисаттвы».

В качестве еще одной аналогии таких историй о «стрельбе из лука», связанной с темой царства, можно привести скифскую легенду, пересказанную Геродотом (Herod. 4.8–10): три сына героя, в греческом изложении отождествленного с Гераклом, должны были натянуть его лук, который он некогда оставил на хранение их матери Ехидне. Старший и средний сын не смогли этого сделать, и лишь младший легко его натягивает — эта победа обеспечивает ему статус царя. Именно эта история, как счел возможным утверждать исследователь скифской культуры Д. С. Раевский, лежит в основе изображений на золотых сосудах из кургана Куль-Оба, воронежских Частых курганов и кургана Гайманова Могила. Так, на сосуде из кургана Куль-Оба, согласно его интерпретации, четыре последовательные сцены, помещенные по сторонам этого сосуда, подразумевают попытки натянуть лук — две неудачные и одну удачную (на четвертой стороне изображены беседующие скифы) [Раевский, 1977, с. 30–39]. Связь ритуального действия «натягивания лука» с идеей царства в этом случае прослеживается отчетливо — герой скифской легенды получает царство именно после состязания в натягивании лука. Также здесь присутствует уже встречавшийся нам мотив получения необыкновенного лука от полубожественного предка — лука, хранимого лишь для этого ритуала. Цепочку аналогий можно было бы продолжить — причастность к царской ритуалистике обеспечивает ему высокий статус и широкое распространение.

Эволюция мотива «стрельбы из лука» в разновременных версиях «Лалитавистары»

Итак, мы рассматриваем ситуацию, при которой глубоко архаичный сюжет встраивается в буддийское агиографическое повествование. Присутствие

ритуальной стрельбы из лука именно в буддийском контексте ставит вопросы о путях включения этого эпизода в буддийский нарратив и о тех неизбежных трансформациях, которые происходят в буддийском тексте, принимающем в себя этот архаичный комплекс. Некоторый свет на эту проблему проливает эволюция эпизода, которая прослеживается по разным версиям «Лалитавистары», а также при сравнении версий «женитьбы Бодхисаттвы» в иных памятниках раннего буддизма.

Сопоставляя передачу этого эпизода в разновременных версиях «Лалитавистары», можно обнаружить некоторые различия. Они не столь велики между санскритским текстом (IX в.) и более ранним, сохранившимся в китайском переводе Дивакары (VII в.): переводчик следует той же последовательности фраз, различие состоит только в том, что у Дивакары в цепочку мишеней включены семь кабанов² (в «Лалитавистаре» — один). В обеих версиях присутствуют интересные приемы, высвечивающие именно способы включения сюжета в доктринальный буддийский контекст: составители сутры добавляют стихи-гатхи, которые отмечают кульминационные моменты действия и одновременно выстраивают ассоциативные связи между действиями героя и элементами буддийской доктрины.

К тому моменту, когда Сиддхартхе удалось натянуть лук, приурочена гатха «Поскольку мудрец натянул этот лук, не поднявшись с сиденья и не [встав] на землю, без сомнения, он легко исполнит свое намерение, победив войско Мары» [Хокадзоно, 1994, с. 588] (в китайском варианте «Если Бодхисаттва натянул лук легко и не дрогнув, то его намерение исполнится — он сокрушит Мару и достигнет правильного просветления»³). Здесь присутствует понятие «намерение» (*abhiprāya*, кит. 意), употребление которого в данном случае нестандартно. Этот термин обычно обозначает намерение Будды воздействовать на собеседника, в том числе скрытое намерение [Buswell, Lopez, 2014, p. 9–10]. В этой гатхе понятие *abhiprāya*, похоже, сближается с *prañidhāna*, которое обозначает «обет», «намерение [достичь просветления]» и в буддийской агиографии служило отправной точкой, с которой начинается путь Бодхисаттвы к просветлению [Soothill, Hodous, 2005, p. 476; Buswell, Lopez, 2014, p. 662]. Здесь имеется в виду тот момент, когда в одном из своих предыдущих рождений Бодхисаттва встречает будду Дипанкару и принимает решение в будущем тоже стать буддой [Mahāvastu Avadāna, 2004, vol. I, p. 182–192; The Mahāvastu, 1949, p. 192–195]. Поскольку в гатхе «исполнение намерения» (*abhiprāya*) увязывается с победой над войском Мары и достижением просветления, то понимать его возможно только таким образом.

Другое утверждение этой гатхи обращено к будущему — сила, продемонстрированная героем во время натягивания лука, ставится в ассоциативную связь с его будущей победой над войском царя демонов Мары (здесь китайский переводчик вводит пояснение «достигнет правильного просветления» 成正覺).

² T0187_03.0564b08. *The SAT Daizōkyō Text Database*. — Электронный ресурс: URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 18.07.2024).

³ T0187.03.0564b25–26. *The SAT Daizōkyō Text Database*. Электронный ресурс: URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 18.07.2024).

Вторая гатха поставлена в конец эпизода, и здесь выстроена целая цепь сложных ассоциаций. Поясняя столь удачную стрельбу из лука, боги призывают зрителей не удивляться и предлагают такое рассуждение: «Он на лучшем месте земли, восседая на троне будд прошлого (*pūrvabuddhāsanasthaḥ*), взяв лук успокоения (*samatha*), стрелами пустоты и отсутствия сущности поразив врагов-пороки и разорвав сеть ложных взглядов, обретет наивысшее, устраняющее печаль, благое и незапятнанное просветление» [Хокадзоно, 1994, с. 590]. Китайский переводчик это сопоставление вводит внутрь самой гатхи: «Сегодня мы видели, как Бодхисаттва стреляет из лука — тут нечему удивляться: он воссядет на трон будд прошлого (先佛座) и достигнет великого бодхи (菩提); медитация будет его луком, пустота и отсутствие «я» будут стрелами, он разорвет сети [ложных] взглядов, выстрелив, он сокрушит врагов-пороки (煩惱, соотв. санск. *kleśa* [Hirakawa, 1997, p. 794])»⁴. В обоих вариантах само победное действие сопоставляется с будущим достижением просветления (*bodhi*, 菩提), и выражение «восседая на троне» здесь более чем уместно — составители текста хорошо улавливают, как «работает» царская символика в буддизме. Сам лук приравнивается к «медитации» как состоянию Будды в момент просветления (в санскритском варианте создается композит *samathadhanu* «лук успокоения», «лук медитации»), а стрелы — к «пустоте» (*śūnya*, 空) и «отсутствию “я”» (*nairatmya*, 無我). В целом высказывание делает ситуацию стрельбы из лука развернутой метафорой достижения просветления, и особенно проявлено это в санскритской строфе, завершающейся акцентированным, распространенным определением «наивысшее, устраняющее печаль, благое и незапятнанное просветление».

Интересно сравнить с этими версиями наиболее ранний вариант, сохранившийся в переводе Фа-ху (IV в.) в десятой главе (у Фа-ху повествование распределено по главам иначе). Здесь нет этой концовки, отсылающей к идее просветления; завершающая шлока стоит на том же месте, но в ней выражена простая оценка превосходства Гаутамы: «Воистину это небывалое [чудо]! [Тот, кто владеет] таким прекрасным искусством, чист и достиг истины. Среди бодхисаттв он самый лучший»⁵. Как это проявлено и в других сюжетах версии Фа-ху, здесь заметна неразвитость и недостаточная переосмысленность сюжета на пути «подключения» его к доктринальным идеям.

«Стрельба из лука» в версии Фа-ху имеет и другие отличия от более поздних вариантов. Стрельба Бодхисаттвы описывается иначе — нет прохождения его стрелы через многие мишени, только через один барабан, но на далеком расстоянии (при предварительном перечислении мишеней говорится только о барабанах, нет палм и кабана). Но при этом стрела Гаутамы проделывает дальнейший путь — она «прошла сквозь Железное Кольцо гор (鐵圍山)⁶, и три

⁴ T0187_03.0564c04–07. *The SAT Daizōkyō Text Database*. — Электронный ресурс: URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 18.07.2024).

⁵ T0186_03.0502a11–12. *The SAT Daizōkyō Text Database*. — Электронный ресурс: URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 18.07.2024).

⁶ Железное Кольцо гор — в буддийской космологии одна из горных цепей, охватывающих земной мир, в центре которого находится гора Меру. В этой системе горы из железа составляют внешнее кольцо, внутри него — несколько колец из золотых

тысячи великих тысяч *буддхакшетр*⁷ шестикратно содрогнулись»⁸. Как можно видеть, в этой версии более ощутима тенденция к восприятию подвига Бодхисаттвы как события космического масштаба.

Варианты мотива «стрельбы из лука» в памятниках раннебуддийской литературы

Если обратиться к агиографическим памятникам, не принадлежащим к традиции «Лалитавистары», то эпизод стрельбы из лука можно найти, например, в «Махавасту». В качестве мишеней здесь тоже устанавливают семь пальм и за ними барабан, стреляют же сквозь пальмы — кто сколько пальм прострелит. В отличие от иных вариантов, натянуть лук пытаются не только юноши-шакьи, но также представители соседних племен — юноши-колии и юноши-личчавы. И здесь так же, как и в версии Фа-ху, нет увязки этого действия с темой будущего просветления — эпизод выглядит достаточно просто и завершается ликованием людей и богов, восхищенных необыкновенными способностями героя.

Достаточно развернутая версия присутствует в «Сангхабхедавасту». Подчеркнуто, что все мишени изготовлены из меди, набор их полный — семь пальм, литавра и кабан, и стрела Бодхисаттвы пробивает все мишени. Отсылка к прошлому и будущему нет. В этой версии особый акцент сделан на теме «формирования святого места» с наибольшими подробностями: родник на том месте, где стрела вошла в землю, источает сладкую воду, люди ее пьют и здесь устраивают святилище, где совершают поклонение «и сегодня» [Saṅghabhedavastu, 2020, p. 109]. Такого рода тенденция — выстраивание связи между агиографическим сюжетом и реально существующим сакральным локусом — характерна и для «Лалитавистары», где отсылки к текущей культовой реальности вводятся таким же образом и встречаются достаточно часто [Александрова, 2022]. Можно видеть, что в данном случае сюжет «стрельбы из лука» играет иную функциональную роль — как обоснование культового статуса святого места, актуального для паломника.

Есть версии «стрельбы из лука», которые не привязаны к женитьбе и состязаниям. Так, в «Ниданакатхе» Бодхисаттва показывает свое искусство в ответ на обвинения, что он живет во дворце беззаботно и не учится воинским искусствам — что же будет, если нападут враги? Однако он утверждает, что не нуждается в обучении, и показывает разные фокусы со стрельбой из лука [Buddhist Birth-Stories..., 1878, p. 165–166]. Здесь сделан другой акцент — на отсутствии обучения, что не мешает виртуозной стрельбе, иными словами, доминирует идея чуда. Сходная ситуация в палийской джатаке № 522 (*Sarabhaṅga-jātaka*), где главным героем становится *Jotipāla*, одно из перерождений Бодхисаттвы. Тема женитьбы здесь отсутствует, Джотипала просто показывает царю приемы стрельбы из лука, затем сразу уходит в отшельничество.

⁷ «Три тысячи великих тысяч *буддхакшетр*» — зд. 三千大千刹土, в буддийской литературе распространено сочетание *trisahasramahāsahasralokadhātu* «три тысячи великих тысяч миров»; в переводе Фа-ху «миры» (*lokadhātu*) заменены на *буддхакшетры* (*buddhakṣetra*), переданные как 刹土 [Hirakawa, 1997, p. 194].

⁸ T0186_03.0502a14–15. *The SAT Daizōkyō Text Database*. — Электронный ресурс: URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 18.07.2024).

Итог: трансформации архаичного мотива в буддийском тексте

Сравнение разных версий «стрельбы из лука» в буддийской агиографии показывает разную степень включенности этого сюжета в буддийский контекст и разные варианты мотивации его включения. Наиболее развитыми в этом отношении оказываются поздние варианты «Лалитавистары», где сделаны попытки представить этот подвиг Бодхисаттвы как метафору его будущих духовных достижений, и эта развернутая метафора детализирована: сила лука сопоставлена с силой медитации, стрелы становятся образным воплощением тех инструментов, использование которых ведет к просветлению, а сама стрельба по мишеням ассоциирована с поражением ложных воззрений и уничтожением пороков. «Лалитавистара» как будто осуществляет перевод с языка архаичного ритуала на язык буддийской понятийной системы, причем, как было показано, даже в пределах самой традиции «Лалитавистары» прослеживается движение в этом направлении. Этот вектор развития показывает «судьбу» мотива в буддийском тексте, где он приобретает иную подоплеку, чем тот же мотив в «Махабхарате», где «стрельба из лука» становится одним из элементов, утверждающих божественную природу героя Арджуны [Васильков, 2010, с. 61–65].

Эпизод «стрельбы из лука» позволяет отследить способ включения сюжета, распространенного в иных индийских традициях, в буддийский контекст — процесс, который весьма характерен для буддийской агиографии [Schober, 2002, p. 1]. Выявляемая на этой основе общность с индийской эпической традицией и, более того, с древнегреческим эпосом свидетельствует о древнейших корнях всего комплекса мотивов, составляющих эпизод «стрельбы из лука» и связанных с царскими посвятельными ритуалами. Раннебуддийский сюжетный текст закономерным образом взаимодействует с архаическими пластами культуры, и такого рода проявления возможно выявить на материале разнообразных буддийских нарративов — замечая, например, следы ведийской ритуалистики в сюжетной схеме [Александрова, 2008, с. 45–68]. «Состязательный» эпизод из двенадцатой главы «Лалитавистары» может служить одним из примеров таких соотношений, демонстрирующих устойчивость архаичных моделей в индийской литературе. Однако в данном случае речь идет не только о реализации архаичной схемы в сюжете, но и о дальнейших трансформациях, адаптирующих древнюю модель к буддийскому контексту и выстраивающих связующие механизмы для функционирования ее внутри целостного комплекса буддийской культуры.

Список литературы / References

1. Александрова Н. В. *Путь и текст. Китайские паломники в Индии*. М.: Восточная литература, 2008. [Aleksandrova N. V. *The Path and the Text: Chinese Pilgrims in India*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008 (in Russian)].
2. Александрова Н. В., Русанов М. А., Комиссаров Д. А. *Лалитавистара. Сутра о жизни Будды. Рождение*. М: Российский государственный гуманитарный университет, 2017 [Aleksandrova N., Rusanov M., Komissarov D. *Lalitavistara. The Sutra of Buddha's Life. The Birth*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2017 (in Russian)].

3. Александрова Н. В. *Чайтъя* в трех версиях «Лалитавистары»: взаимодействие текста и паломнической традиции. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 4. С. 100–118. [Aleksandrova N. V. *Caitya* in three versions of Lalitavistara: interaction between text and pilgrimage tradition. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2022. No. 1, pp. 100–118 (in Russian)].
4. Васильков Я. В. *Миф, ритуал и история в «Махабхарате»*. СПб.: Европейский Дом, 2010 [Vassilkov Ya. V. *Myth, Ritual and History in the Mahabharata*. Saint-Petersburg: Evropeisky dom, 2010 (in Russian)].
5. Saṅghabhedavastu. *О расколе общины*. Пер. с санскрита, введ. и коммент. Дм. Комиссарова. М.: Буддадхарма, 2020 [Saṅghabhedavastu. *On the Schism of the Community*. Transl. from Sanskrit, introd. and comments by Dm. Komissarov (in Russian)].
6. *Buddhist Birth-Stories (Jataka Tales). The Commentarial Introduction Entitled Nidāna-kathā. The Story of the Lineage*. Transl. by T. W. Rhys Davids. London: G. Routledge and sons LTD — New York: E. P. Dutton, 1878.
7. Buswell R. E., Lopez D. S. *The Princeton Dictionary of Buddhism*. Princeton: Princeton University Press, 2014.
8. Gonda J. *Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View*. Leiden: Brill, 1969.
9. Hirakawa Akira. *Buddhist Chinese-Sanskrit Dictionary*. Tokyo: The Reiyukai, 1997.
10. Jamison S. Penelope and the Pigs: Indic Perspectives on the Odysse. *Classical Antiquity*. Oct. 1999. Vol. 18. No. 2, pp. 227–272.
11. Katz J. T. *The Indo-European Context. A Companion to Ancient Epic*. Maiden — Oxford — Victoria: Blackwell Publishing, 2005.
12. Katz M. A. *Penelope's Renown: Meaning and Indeterminacy in the Odyssey*. Princeton: Princeton University Press, 1991.
13. Kloetzli W. R. *Buddhist Cosmology. Science and Theology in the Images of Motion and Light*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2007.
14. *Mahāvastu Avadāna*. Ed. by Dr. S. Bagchi. Vol. I. Darbhanga: The Mithila Institute of Post-Graduate Studies and Reserch in Sanskrit Learning, 2004.
15. *The Mahāvastu*. Transl. from the Buddhist Sanskrit by J. J. Jones. Vol. I. London: Luzac and Company, 1949.
16. Schober J. Trajectories in Buddhist Sacred Biography. *Sacred Biography in the Buddhist Traditions of South and Southeast Asia*. Ed. by J. Schober. Delhi: Motilal Banarsidass, 2002 (First Ed.: University of Hawai'i Press, 1997), pp. 1–18.
17. Soothill W. E., Hodous L. A. *Dictionary of Chinese Buddhist Terms with Sanskrit and English Equivalents*. Delhi: Munshiram Manoharlal, 2005.
18. Хокадзоно коити (外蘭幸一). *Раритависутара но кенкю* (Исследование «Лалитавистары» ラリタヴェイスタラの研究). Токио: Дайто Сяппанся, 1994.

Электронные ресурсы / Electronic sources

The SAT Daizōkyō Text Database. Электронный ресурс: URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 18.07.2024).

Информация об авторе

Александрова Наталия Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; доцент, старший научный сотрудник Института классического востоковедения и античности ВШЭ, Москва, Россия; surnevo@mail.ru, nalexandrova@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6350-7245>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена рецензентами 08.02.2025; принята к публикации 15.02.2025; опубликована 28.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Natalia V. Alexandrova — PhD (in History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute for Oriental and Classical Studies HSE University, Moscow, Russia; surnevo@mail.ru, nalexandrova@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6350-7245>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 08.02.2025; accepted for publication 15.02.2025; published 28.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.